

соціального романа, другой — для историко-философского, для романа мистерии. 1)

И вот что замѣчательно: при всѣхъ — колоссальныхъ — расхожденіяхъ, и Тургеневъ понялъ Бакунина, конечно, тоже «умополстигаемого», «Бакунина-идею», — не-революционеромъ, не-дѣятелемъ, «бабьимъ пророкомъ». И его смерть, смерть на баррикадѣ, не «судьба», а простая случайность, или **насмѣшка «судьбы»**. Она ничѣмъ въ романѣ не мотивирована, и это несомнѣнно — намѣренно: карьера «эмпирическаго» Бакунина, какъ-бы хочеть сказать Тургеневъ, — есть «метафизически» недоразумѣніе, и его революціонное «качество» нисколько не «существенно». Его «Бакунина» прежде всего «безпріютный скиталецъ» въ поискахъ Правды, образъ, типъ, окончательно просвѣтленный художнической интуиціей въ изумительномъ чеховскомъ разсказѣ «На Пути», несомнѣнно навѣянномъ эпизодомъ послѣдней встрѣчи Рудина съ Лежневымъ.

П. Биццли.

E. V. Radloff: Russische Philosophie. Вь серіи «'edermanns Bücherei». Abteilung: Philosophie, herausgegeben v n Ernst Wasmann. Breslau, 1925. Стр. 152, съ 14 портретами.

Появленіе на нѣмецкомъ языкѣ очерка исторіи русской философіи, при томъ въ серіи, рассчитанной на широкое распространеніе въ кругахъ неспеціалистовъ, является глубоко симптоматичнымъ. Это первая попытка ознакомить широкіе круги нѣмецкихъ (да и только ли нѣмецкихъ) читателей съ развитіемъ русской мысли. Для этихъ широкихъ круговъ читателей, конечно, ничего не давали ни очеркъ, краткій и то устарѣвшій, въ исторіи философіи **Ибервега**, ни появившееся въ 1922 г. *Einführung in die Geschichte der Philosophie des Auslandes* С. Güttler'a. (Мюнхенъ), въ которомъ русской философіи посвящено 5 страницъ (изъ 220), притомъ переполненныхъ ошибками и курьезами (достаточно сказать, что Сковорода стоитъ въ рубрицѣ «Вліяніе Шеллинга и Гегеля»), — тѣмъ большая отвѣтственность лежала на авторѣ этого очерка и на его нѣмецкомъ издателѣ и редакторѣ — лейпцигскомъ профессорѣ Э. Бергманѣ. Въдѣ очеркъ исторіи русской мысли не только можетъ разсчитывать въ Германіи на извѣстный **интересъ** читателей, но и удовлетворитъ совершенно опредѣленную конкретную **потребность**. Переводная съ русскаго языка литература (въ томъ числѣ и отдѣльныя философскія работы) столь сейчасъ въ Германіи значительна, что для нѣмецкаго читателя яв-

1) Къ «Философско-историческимъ» темамъ можно было бы присоединить и чисто психологическія: «Лишний Человѣкъ» (въдѣ Чулкатуринъ вовсе не «соціальная категорія»; ею «лишний человекъ» станетъ лишь позже) — герой «Записокъ изъ Подполья»; Любовь отца и сына къ одной жепшинѣ («Первая Любовь» — «Браты Кара», «Подростокъ»).

ляется необходимымъ руководство для ориентировки въ русскихъ духовныхъ теченияхъ. Врядъ ли нужно доказывать, что русская философія еще не можетъ претендовать на почетное мѣсто въ исторіи мысли. Но; напримѣръ, русская изящная литература такое мѣсто уже заняла. И намъ представлялось бы единственно правильнымъ въ очеркъ русской мысли, предназначенномъ для европейцевъ, сконцентрировать вниманіе на тѣхъ моментахъ, которые объясняютъ и освѣщаютъ то въ русской культурѣ и историческихъ судьбахъ русскаго народа, что въ ней уже дорого сдѣлалось европейцу и что, какъ отличное отъ явленій европейской дѣйствительности, особенно подчеркиваетъ своеобразие Россіи въ сравненіи съ Западомъ (Ну, напримѣръ, вся критика Запада въ русской философіи, «славянофильство», «православная философія» послѣднихъ десятилѣтій съ другой стороны, русскій «революціонизмъ», «народничество» и связанныя съ историческими идеалами русской интеллигенціи чтенія русской мысли); наконецъ, существенное значеніе для западнаго читателя представляють и отвѣты западной культуры въ русскомъ морѣ (само собою разумѣется, напримѣръ, — судьбы нѣмецкаго идеализма въ Россіи, но также и частыя темы — хотя бы напр. отраженіе европейской, въ частности нѣмецкой эстетики въ русской поэзіи, или напримѣръ, вліяніе Шиллера, какъ мыслителя, въ Россіи — вліянія весьма широкія и разнообразныя; да такихъ безъ числа). Конечно, при всемъ томъ для европейца нужно «безпредпосылочное» изложеніе — изложеніе, не предполагающее у читателя никакихъ специальныхъ познаній въ сферѣ русской исторіи, культуры и жизни.

Я позволилъ себѣ такъ долго остановиться на задачахъ пишущаго для иностранцевъ историка русской мысли потому, что книга г. Радлова обнаруживаетъ прежде всего отсутствіе яснаго представленія о ея читателѣ, какъ у автора, такъ и у издателя. Мы начнемъ съ второстепенныхъ замѣчаній. Тогда вся непригодность лежащаго передъ нами изданія для европейскихъ читателей выступитъ съ полной очевидностью.

Прежде всего при чтеніи этой книги поражаетъ крайняя небрежность переводчика и издателя. Даже отъ ориентированнаго въ имѣющейся на нѣмецкомъ языкѣ литературѣ о русской философіи или нѣсколько знакомого съ русской наукой читателя невозможно требовать, чтобы онъ догадался, что напр. «Kerstinsky» (2 раза въ текстѣ и индексѣ) — это, очевидно, акад. Коржинскій (Korshinsky) что «Guerries» — это Герье, что «Wladislawow» = Владиславлеву; съ изумленіемъ спрашиваешь себя, что, кромѣ философской безграмотности переводчика (какъ видно изъ предисловія нѣмецкой студентки-медики) и невѣроятной для нѣмецкаго изданія небрежности издателя, могло превратить Юркевича въ Kurkowitch'a (въ индексѣ, въ текстѣ правильно), Поварина въ Povanin'a, Муравьева-Апостола — въ Murjew-Apostol'a? (Всѣ эти правописанія въ текстѣ и въ индексѣ). Почему братья Лихуды обратились въ Lichudow (въ именительномъ падежѣ)? Кто такой Liphitzky? Право, на послѣдній вопросъ не отвѣтить, имѣя передъ глазами текстъ, даже русскій историкъ философіи! Не будемъ уже говорить обо всемъ индексѣ —

какомъ то морѣ недоразумѣній и курьезовъ — тамъ мы найдемъ рядомъ Radischischew и Raduschitschew, Theophan, Theophanus (отдѣльно), Skoworoda и Skoworo(!), встрѣтимъ и пропуски именъ встрѣчающихся въ текстѣ -- напр. Продана (въ текстѣ, впрочемъ, Plodan). Но дѣло такъ обстоитъ не только съ русскими именами, по отношенію къ которымъ проф. Бергманъ, очевидно, держится принципа, что ихъ можно писать какъ угодно. И иностранныя, въ томъ числѣ и нѣмецкія имена искажаются сплошь да рядомъ до неузнаваемости. Что долженъ подумать читатель, встрѣтивъ такое правописание, какъ Carlyles (им. Carlyle)? Почему и въ индексѣ и въ текстѣ мы встрѣчаемъ такое странное имя Gladkin, носителю котораго приписывается утвержденіе, что греческая философія выростала изъ восточной (въ дѣйствительности авторъ, очевидно, говорилъ о Gladisch — англійскомъ историкѣ философіи 40-хъ годовъ XIX вѣка)? Почему переводчикъ, не справившись со словаремъ, обратилъ эпигона позитивизма Littré въ Litterais?! Какимъ образомъ Гоббсъ обратился въ Holst'a (16 стр.), Mme de Guyon въ Mme de Gaillome (17, 22, индексѣ), Bülfinger въ Biefinger'a? Зачѣмъ (шведъ) i keblad превращенъ въ Eskeblatt'a? Какимъ путемъ изъ автора новой работы о религіозной душѣ русскаго народа, Гаазе вышелъ N: ase (въ текстѣ и въ индексѣ)?

Кто знаетъ аккуратность нѣмецкихъ корректоровъ и тщательность нѣмецкихъ издательствъ, того сугубо должна возмутить подобная невнимательность. Отдѣльныя ошибки, конечно, возможны и, м. б., неизбежны, но десятки и, пожалуй, можно безъ преувеличенія сказать сотни ошибокъ, попросту отнимають у книги всякую цѣнность. Вѣдь текстъ не только отъ замѣны правильнаго имени бессмысленнымъ теряетъ смыслъ, но подчасъ и приобретаетъ новый, иногда способный вызвать не весьма лестныя замѣчанія о русскихъ мыслителяхъ. Такъ на примѣръ, нѣмецкій читатель съ изумленіемъ узнаетъ, что Вл. Соловьевъ приписываетъ Платоновскій діалогъ «Протагоръ» Аристиду (въ дѣйствительности — ученику Сократа Аристиппу).

Но и самого автора нужно упрекнуть въ иной небрежности, хотя и мелкой, но дѣлающей чтеніе книги для нерусскаго читателя (да даже и для зарубежной русской молодежи, не прошедшей русской школы и не знающей большихъ русскихъ библіотекъ) прямо невыносимымъ. Это отсутствіе какихъ бы то ни было хронологическихъ датъ. Такъ какъ авторъ разбилъ книгу на главы — совершенно правильно — не хронологически, а соответственно теченіямъ и направленіямъ философской мысли, то читатель сплошь да рядомъ останется въ совершенномъ недоумѣніи — ибо какіе критеріи имѣются у рядового (да еще нерусскаго) читателя для отдѣленія хронологіи жизни какого-нибудь М. Троицкаго или Смирнова! Годы изданій книгъ называются также совсѣмъ рѣдко, а вѣдь они то ужъ давали бы представленіе о соотношеніяхъ между развитіемъ философіи на Западѣ и въ Россіи. Иногда отмѣчаются ничего не говоряшіе годы 3-го или 4-го изданія! Да и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ,

когда указаны годы изданій, не трудно отмѣтить неточности (напр. на стр. 35 свѣдѣнія о переводческой дѣятельности одесскаго Кудряцева — оба сочиненія названы по нѣмецки невѣрно и годъ изданія «Космологіи» Шуберта — ошибоченъ — «1839 г.» — но книга вышла по русски въ Одессѣ въ 1834 году, а самъ переводчикъ умеръ въ 1835.). Читатель остается вообще безо всякаго хронологическаго руководства, когда авторъ однимъ духомъ называетъ (стр. 28) арх. Гавріила, Карпова, Авсенева, Алексѣя Введенскаго, или заканчиваетъ повѣствованіе о славянофилахъ и западникахъ словами «личность, связующая старое славянофильство съ его позднѣйшей формой — загадочный Чаадаевъ» — (33), или когда авторъ за вѣху во времени беретъ «Николая Павловича» (разумѣется Николай I, — но переводчикъ принялъ «Павловичъ» за фамилію, — въ текстѣ слово это, какъ фамилія, набрано разрядкой и въ индексе мы встрѣчаемъ на своемъ мѣстѣ «Павловичъ»). А вѣдь безъ правильной хронологической канвы невозможно никакое сопоставленіе Россіи и Европы!

Есть неточности въ содержаніи. Авторъ повторяетъ сказки о поѣздкахъ Сковороды по всей Европѣ, да еще въ качествѣ домашняго учителя (! 19), отрицаетъ всякое вліяніе Фихте въ Россіи (а Шадъ? его шеллингианство значительно преувеличено). Но очень часто трудно судить, гдѣ неточность нужно отнести на долю автора, гдѣ — переводчика и корректора. — Такъ, на стр. 39 по ошибкѣ переводчика — *das* вмѣсто *der* — забытая книга В. Розанова «о пониманіи» превратилась въ основу позднѣйшей популярности Розанова; на стр. 21 Третьяковскій превращенъ въ «*den Arzt Lomposows*», — конечно переводчикъ прочелъ «врача» вмѣсто «врага». (О сукономъ нѣмецкомъ языкѣ переводчика можно было бы еще многое сказать). Основной грѣхъ автора тотъ же, что и въ его русскомъ «Очеркѣ» — отсутствіе всякаго опредѣленнаго критерія въ выборѣ матеріала. Высыпая на голову читателю 150 именъ русскихъ мыслителей, очень часто весьма второразрядныхъ, онъ не упоминаетъ о тѣхъ, кто этому читателю извѣстенъ, а иногда, б. м., и близко (въ виду хотя бы случайнаго факта существованія нѣмецкаго перевода его работъ). Упомянувъ сплошь да рядомъ даже авторовъ русскихъ переводовъ (часто неудачныхъ) или авторовъ второстепенныхъ по значенію работъ (Поварина, П. Сорокина, Продана или М. М. Троицкаго, авторовъ весьма слабыхъ работъ — Лейкефельда и Ягодинскаго), г. Радловъ не имѣетъ времени остановиться на переведенныхъ (хотя и несистематическихъ) мыслителяхъ, вроде В. В. Розанова; ничего, кромѣ именъ, мы не найдемъ о Бердяевѣ, Булгаковѣ, Флоренскомѣ, Франкѣ, какъ никакъ несравнимыхъ съ Проданомъ и Ягодинскимъ; странно отсутствіе упоминанія о Потебнѣ (упоминаются навѣянные мыслями Потебни работы А. Бѣлаго); рядомъ съ основополагающими въ математической логикѣ работами Порѣцкаго (и въ Европѣ достаточно оцененными), блистаетъ упоминаніе о работѣ Линде, диллетантской и никакого значенія не имѣющей. Двѣ трети изъ упомянутыхъ 150 именъ могли бы быть даже въ популярной русской исторіи русской философіи обойдены молчаніемъ. Тѣмъ болѣе не нужны они ино-

странцу, у котораго, при недостаточности самихъ книгъ, создается полная неясность въ вопросъ объ «относительной величинѣ» отдѣльныхъ мыслителей.

Врядъ ли входила въ задачи автора весьма общія характеристики западныхъ философскихъ теченій (о Миллѣ и Спенсерѣ — ихъ отличія отъ Канта — 44, о діалектикѣ — 37, цѣлыя страницы — напр. характеристика различныхъ теченій въ логикѣ — въ «Приложеніи»). Безъ нужды загромождая книгу, онѣ настолько — по необходимости — поверхностны, что все равно ничего читателю, не знакомому съ философіей не дадутъ. Критическія замѣчанія автора также иногда слишкомъ поверхностны, иногда — только плохія остроты (четырехстепенная діалектика Чичерина настолько же скучнѣ традической — Гегеля, насколько вальсъ въ три па скучнѣ вальса въ два па! — 38).

Если читатель пробьется сквозь первые 40-50 страницъ книги, онъ найдетъ и бѣглыя свѣдѣнія о русскомъ позитивизмѣ и матеріализмѣ (страннымъ образомъ въ этой же главѣ изложена и теорія А.И. Введенскаго!), о М. И. Каринскомъ, Вл. Соловьевѣ, Л. Толстомъ, Лопатинѣ, бр. Трубецкихъ, марксизмѣ и интуитивизмѣ (по странному капризу соединенныхъ въ одну главу). Нельзя отрицать значенія этихъ страницъ, хотя и здѣсь много неоправдано и отсутствуетъ какая бы то ни было общая точка зрѣнія. Для философски заинтересованнаго читателя эти очерки будутъ имѣть свое значеніе, малоподготовленный — едва ли многое изъ нихъ вынесетъ.

Книгу заключаютъ библиографическія указанія (для европейской литературы неполныя; какъ и всегда, на 2-хъ страницахъ встрѣчаемъ не менѣ 4-хъ корректурныхъ ошибокъ) и 14 превосходно, какъ и во всѣхъ томахъ, Ledermanns Bucherei исполненныхъ портретовъ. Не советѣмъ понятенъ только ихъ выборъ: М. И. Погодинъ вовсе не упоминается въ книгѣ, Рѣдкинъ, Кавелинъ и Алексѣевъ-Аскольдовъ — только упоминаются по разу, Михайловскій также только упоминается (2 раза).

Заключившая нашу рецензію, мы должны еще разъ подчеркнуть, что совершенно недопустимо - небрежное отношеніе редактора и издательства къ страдающему нѣкоторой неясностью основной задачи, но все еще полезному труду почтеннаго автора сдѣлало книгу въ значительной части непригодной для ознакомленія съ русской философіей, особенно для иностраннаго читателя. Г. Бергманъ, поименованный редакторомъ на титульномъ листѣ, выражаетъ за помощь благодарность г. Геллеру. Къ кому изъ нихъ относятся наши упреки, сказать мы не можемъ.

П. Прокофьевъ.